

Л. Н. ЯСНОПОЛЬСКИЙ.

Рецензія на книгу С. И. Лисенко „Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи“.

Вып. 2. Роменскій уѣздъ. Изд. Полтавскаго Губ. Земства. Одесса 1900. 540 стр.

Исслѣдованіе домашнихъ промысловъ и ремеслъ Роменскаго уѣзда Полтавской губ. произведено было гг. С. И. Лисенко и М. Н. Дробышемъ въ теченіе приблизительно 2-хъ мѣсяцевъ 1898 года. Оно возникло изъ желанія Полтавскаго Губернскаго Земства поставить дѣло помощи сельскимъ промысламъ губерніи на сколько нибудь прочную почву выясненія фактическаго состоянія этихъ промысловъ и ихъ нуждъ.

Исслѣдованіе видимо велось дѣйствительно людьми, которые «добро-совѣстно и съ глубокимъ внутреннимъ интересомъ къ дѣлу открывали свои уши всему, что только подавалось ихъ изученію» (стр. 42); руководство принадлежало автору книги, С. И. Лисенко, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ передъ тѣмъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ Черниговской губ. зем. управы по содѣйствію кустарнымъ промысламъ. Но въ то же время исслѣдователи были стѣснены крайнимъ недостаткомъ времени и, наконецъ, само исслѣдованіе было внезапно прервано 15 октября 1898 г. «по независѣвшимъ ни отъ самого земства, ни отъ его служащихъ обстоятельствамъ» (стр. 1).

Всеми этими условіями опредѣляются какъ достоинства, такъ и недостатки разбираемаго труда.

Исслѣдованіе имѣло не статистическій, а лишь анкетный характеръ. Точное и полное выясненіе картины развитія сельскихъ промысловъ возможно было бы лишь въ связи съ общей похозяйственной переписью всей губерніи. Только при этомъ можно было бы вполнѣ выяснить степень распространенія промысловъ, характеръ тѣхъ группъ населенія и тѣхъ условій, съ которыми связано ихъ развитіе,—общее значеніе ихъ въ экономіи мѣстности. На общемъ фонѣ такой основной переписи, болѣе подробное и детальное анкетное обслѣдованіе типичныхъ условій отдѣльных промысловъ, которое одно только и было произведено въ дѣйствительности, пріобрѣтало бы особое значеніе для выясненія общей связи всей хозяйственной жизни губерніи.

Но эта огромная работа не могла быть конечно произведена только *по поводу* изслѣдованія промысловъ. Она, какъ извѣстно, была принята и выполнена Полтавскимъ земствомъ нѣсколько позже, въ 1900 году. Это отсутствіе связи между специальными изслѣдованіями промысловъ и общимъ изученіемъ губерніи конечно лишило первое значительной доли его плодотворности.

Не могла быть выполнена — уже по «независящимъ обстоятельствамъ» — и попытка *сплошного* описанія важнѣйшихъ селеній, въ которыхъ развиты промыслы. Бланкъ для такого описанія былъ выработанъ извѣстнымъ статистикомъ А. В. Пѣшеоновымъ, который какъ разъ принялъ тогда завѣдываніе Полтавскимъ статистическимъ бюро. Бланкъ этотъ даже приложенъ къ книгѣ г. Лисенко, но само обслѣдованіе по этой программѣ не могло осуществиться.

Такимъ образомъ, силою обстоятельствъ, могла быть выполнена только анкетная часть работы. Она могла дать лишь приблизительныя свѣдѣнія о числѣ и хозяйственномъ положеніи хозяйствъ, занятыхъ промыслами, и болѣе подробно остановиться лишь на общихъ условіяхъ и типичныхъ явленіяхъ промысловой жизни въ нѣсколькихъ наиболѣе промышленныхъ пунктахъ отдѣльныхъ уѣздовъ Полтавской губерніи. Въ связи съ этимъ и программа изслѣдованія, представлявшая лишь краткое извлечение изъ программы В. У. Комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи (44 вопроса для коллективнаго, 26 для подворнаго опроса мастеровъ и рядъ техническихъ программъ), оказалась чересчуръ сложной для слишкомъ малаго персонала, которому пришлось работать. Недостатки ея — неразработанность вопросовъ о кредитѣ и о бюджетахъ. Последнее однако еще сильно усложнило бы работу. Условія же землевладѣнія и землепользованія требовали бы во всякомъ случаѣ подворнаго опроса.

Вотъ тѣ рамки, въ которыя было поставлено изслѣдованіе для Роменскаго уѣзда и съ которыми намъ постоянно придется считаться въ нашемъ изложеніи.

Вопросъ о такъ называемой «домашней промышленности» очень сложенъ. Исходными пунктами ея являются или первобытное семейное производство патріархальной земледѣльческой эпохи, или же городскія ремесла. Развитымъ ея типомъ Бюхеръ и Зомбартъ считаютъ организованную систему разрозненныхъ домашнихъ рабочихъ, объединенныхъ неизбежною властью скупщика, въ рукахъ котораго и поставка сырья, и кредитъ, и руководство производствомъ, и сбытъ издѣлій. Рядъ переходныхъ ступеней соединяетъ эти двѣ крайнія стадіи развитія домашней промышленности. Для ряда отраслей эта эпоха подчиненія торговому капиталу завершается вымираніемъ домашней промышленности и превращеніемъ ея въ фабричную, другой рядъ отраслей, болѣе близкихъ къ ре-

месленному типу, проявляетъ значительную устойчивость даже въ сопротивленіи торговому капиталу—подчиненію скупщикамъ.

Такимъ образомъ въ развитіи многообразныхъ отраслей домашней промышленности нѣтъ общаго шаблона. Ложны упованія доктринеровъ капитализма на всеобщую концентрацію производства и въ области домашней промышленности. Ложны и неумолимой логикой жизни все болѣе разрушаются идиллическія мечтанія о «народномъ производствѣ» самостоятельныхъ группъ мелкихъ промышленниковъ при современномъ экономическомъ строѣ.

Въ современной Россіи этотъ процессъ еще болѣе сложенъ. Мы должны смотрѣть на настоящее какъ на моментъ въ историческомъ движеніи, и моментъ переживаемый Россіей таковъ, что не позволяетъ дѣлать сколько-нибудь опредѣленнаго заключенія о дальнѣйшемъ ходѣ ея развитія. Въ отличіе отъ Западной Европы, въ Россіи общественное вниманіе привлекаетъ главнымъ образомъ *сельская* домашняя промышленность тѣхъ группъ населенія, которыя фактически, а иногда уже только юридически связаны съ земледѣліемъ и крестьянскимъ землевладѣніемъ. Въ такой средѣ промыслы могутъ являться или дополненіемъ къ земледѣлію, укрѣпляющимъ хозяйственную самостоятельность, занимающимъ свободное время въ мертвый для сельскаго хозяйства сезонъ; или же промыслы могутъ являться результатомъ разложенія мелкаго землевладѣнія, слѣдствіемъ образованія безземельнаго или малоземельнаго деревенскаго пролетаріата, вынужденнымъ и тяжелымъ видомъ труда при крайнемъ напряженіи силъ хозяина и его семьи и скудномъ заработкѣ. Эти два типа далеко не равнозначущи въ социальномъ и экономическомъ отношеніи. Развитіе ихъ тѣсно связано съ процессомъ развитія или разложенія русскаго крестьянскаго землевладѣнія. Судьбы послѣдняго кореннымъ образомъ вліяютъ на промыслы русскаго сельскаго населенія, но само русское крестьянское землевладѣніе находится въ такомъ неустойчивомъ равновѣсіи, что почти невозможно предугадать дальнѣйшія судьбы его: какую вѣроятность имѣетъ окончательное разслоеніе русскаго крестьянства на сельскую буржуазію и пролетаріатъ; что ожидаетъ русскую земледѣльческую общину; при какихъ условіяхъ станутъ возможны болѣе интенсивныя системы хозяйства; могутъ ли приобрести крупное значеніе хуторское хозяйство, переселенія на окраины, расширеніе землевладѣнія крестьянской массы насчетъ другихъ слоевъ населенія; какъ должны отразиться быстрый ростъ населенія и неизбежныя реформы государственнаго строя? Все это вопросы, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависятъ судьбы русскаго крестьянства, и то или иное рѣшеніе ихъ имѣетъ первенствующее значеніе для сужденія о судьбѣ промысловъ сельскаго населенія. Развитіе ихъ является такимъ образомъ вторичнымъ фактомъ, зависящимъ отъ общаго процесса измѣненія русскихъ аграрныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ промыслы сельскаго населенія черноземной и нечерноземной полосы Россіи представляютъ

рѣзкія черты отличія. Намъ необходимо отмѣнить ихъ, чтобы насколько возможно выяснить характеръ промысловъ, типичныхъ для Малороссіи. Кромѣ того работы, подобныя лежащему передъ нами изслѣдованію С. И. Лисенко, имѣютъ въ виду прежде всего практическую цѣль — выясненіе мѣръ, которыми земство могло бы содѣйствовать поддержанію и развитію сельскихъ промысловъ. Какого же рода мѣры возможны здѣсь и какое значеніе имѣютъ наиболѣе общія изъ нихъ?

Если мы ограничимся предѣлами изслѣдованныхъ, наиболѣе промысловыхъ селеній Роменскаго уѣзда (м. Смѣлое и с. Протасовка, с. Засулье и Западинцы (два предмѣстія г. Роменъ), г. Глинскъ, дер. Шумскъ, мѣст. Хмѣловъ, сс. Перекоповка, Чернечья слобода, Рогинцы, Талалаевка, Томашовка и Хоружевка), то можемъ намѣтить цѣлый рядъ типовъ, къ какимъ по своей экономической организаціи принадлежать мѣстные промыслы. Особенно разнообразны виды ткачества, и на его примѣръ мы постараемся выяснить вообще типы промысловыхъ занятій данной мѣстности.

Исходной его формой служить широко распространенное тканье простыхъ крестьянскихъ холстовъ для потребленія собственной семьи. Даже въ обслѣдованныхъ, наиболѣе промысловыхъ поселеніяхъ эта первобытная форма крестьянскаго сельскаго производства крѣпко держится. «Ткачество какъ домашнее занятіе для собственныхъ нуждъ семьи, по словамъ волости, существуетъ въ $\frac{1}{4}$ части дворовъ Глинска, т. е. $630:4=157$, но такихъ, которые работаютъ «на людей», по словамъ ткачихъ, не болѣе 50 (стр. 373) «Благодаря земледѣльческому строю жизни *перекоповцевъ*, по крайней мѣрѣ въ третьей части дворовъ, т. е. дворахъ въ 200 имѣются ткацкіе верстаты, на которыхъ семья изготовляетъ все необходимое для себя. изъ умѣющихъ ткать не болѣе $\frac{1}{2}$ работаютъ на людей, потому что не хватаетъ работы на всѣхъ; живущихъ же только съ ткачества наберется десятковъ пять. Большинство ихъ изъ безземельныхъ хозяйствъ» (стр. 405). «Изъ 1200 дворовъ въ *Чернечьей слободѣ* по крайней мѣрѣ въ 800 можно найти верстаты. заказное ткачество довольно развито. свѣдущіе люди говорили, что ткачей наберется около 20 чел., а сами мастера на опросѣ допускали, что ихъ можетъ найтись и до 50; ткачихъ же, работающихъ на людей, считаютъ болѣе 100 душъ. Думаютъ, что число занимающихся ткачествомъ возрастаетъ, т. к. «всякій старается самъ себя все сдѣлать, чтобы не отдавать свою копѣйку»; только многоземельные, но малосемейные хозяева отдаютъ работы на сторону, т. к. имъ некогда заниматься тканьемъ» (466). «Какъ домашнее занятіе для нуждъ семьи, тканье существуетъ чуть не въ каждой семьѣ» (с. Рогинцы стр. 504) и т. д. Крѣпость этого домашнего занятія, ведущаго свое начало конечно съ давнихъ временъ, естественно объясняется потребностями земледѣльческой жизни и натурального хозяйства, наличностью собственного матеріала — пеньки, свободнымъ зимнимъ временемъ, дешевизной устройства первобытнаго ткацкаго станка. Интересно, что земледѣльческій тяжелый трудъ не даетъ

возможности замѣнить холстъ болѣе дешевымъ, но менѣе прочнымъ матеріаломъ для бѣлья — бумажной тканью. Хотя, особенно съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, начинаютъ проникать дешевыя бумажныя ткани, но онѣ мало прививаются, какъ матеріаль для бѣлья. «Ткачи увѣряють, что бумажный холстъ для крестьянской работы не выносливъ: «за недѣлю рубаху износишь на жнивахъ», — «гниѣтъ отъ поту» (стр. 137). Это тѣмъ болѣе интересно, что всякаго наблюдателя малороссійской жизни поражаетъ быстрое вытѣсненіе національныхъ костюмовъ домашняго производства покупными бумажными и шерстяными тканями. Только простой пеньковый холстъ видимо крѣпко связанъ съ основными потребностями земледѣльской жизни и не вымираетъ подобно «плахтамъ» и другимъ воспоминаніямъ поэтическаго прошлаго.

Отмѣченный типъ ткачества не представляетъ собою «промысла» въ техническомъ значеніи слова. Приведенныя выдержки отчасти указываютъ, какимъ путемъ постепенно совершается отсюда переходъ къ «промыслу». Къ домашней работѣ присоединяется случайная работа по заказу, не нарушая общаго характера занятія, но помимо того вырабатывается извѣстный контингентъ хозяйствъ, въ которыхъ эта работа по заказу становится преобладающимъ, хотя рѣдко исключительнымъ занятіемъ. Ткачество не даетъ почвы для специализаціи на немъ, какъ на сельскомъ *ремеслѣ*: «какъ работа на людей, оно является самымъ малоодоходнымъ дѣломъ» (стр. 505), очевидно въ виду того, что промыселъ слишкомъ простъ и привыченъ, доступенъ всѣмъ, «не хватаетъ работы на всѣхъ», — предложеніе превышаетъ спросъ. Такимъ образомъ второй типъ сельскихъ промысловъ — ремесло — въ этой области не можетъ развиваться. Но тѣмъ болѣе ткачество представляетъ данныя для развитія третьяго типа — кустарнаго производства въ точномъ смыслѣ этого слова. *Развитіе кустарнаго ткачества объясняется разложеньемъ земледѣльческаго хозяйства*. «Можно думать, что когда земледѣльческое хозяйство опускается и падаетъ, оно крѣпче всего держится за наиболѣе привычную и извѣстную работу — тканье: . . . въ большинствѣ случаевъ ткачество «на людей» является переходнымъ занятіемъ потерявшихъ устойчивость земледѣльческихъ хозяйствъ. Таково общее впечатлѣніе, производимое сельскимъ ткачествомъ» (стр. 505). Даже въ главномъ промысловомъ центрѣ уѣзда м. Смѣломъ, «несмотря на его промысловую внѣшность, все еще существуетъ весьма рѣшительное тяготѣніе къ землѣ, къ земледѣльческимъ занятіямъ, при которыхъ можно ѣсть свой, а не покупной хлѣбъ, чувствовать себя хозяиномъ собственнаго существованія и не зависѣть отъ колебаній рыночнаго спроса, отъ доброй воли скупщика — и переходъ отъ земли къ промыслу, какъ занятію главному, является уже въ результатъ мучительнаго процесса разложенія земледѣльческаго хозяйства»¹⁾ (стр. 69). «По словамъ ткачей, кто имѣетъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

4—5 десятинъ поля, тотъ уже ткачевать не будетъ» (стр. 72). Въ м. Смѣломъ и с. Протасовкѣ—центрахъ *кустарнаго* ткачества—86% ткачей принадлежатъ къ безземельнымъ и малоземельнымъ «и лишь не болѣе 14,4% всѣхъ хозяйствъ ткачей достаточно снабжены землею для веденія земледѣльческаго хозяйства» (стр. 70—71). «Изъ этихъ 50 ткачей (лучшихъ и болѣе постоянно работающихъ «на людей» мастеровъ м. Хмѣлова) большая половина малоземельныхъ и безземельныхъ (болѣе 30)» (стр. 443).

Но пока процессъ разложенія земледѣлія выработаетъ типъ болѣе или менѣе законченнаго кустаря-ткача населеніе, теряющее связь съ землей, мечется во всѣ стороны, «вертятся якъ муха въ окропи» (стр. 109), бросается на отхожіе земледѣльческіе заработки, уходитъ на переселеніе; «у большинства хозяевъ ткачей ихъ годовой семейный бюджетъ складывается изъ самыхъ разнородныхъ поступленій: кромѣ дохода отца-ткача, тутъ и заработки сына-сапожника, и поденщина одной изъ дочерей и дальній отходъ другого сына и небольшая выручка съ клочка собственной земли и т. под.» (стр. 75).

Даже ткачи-кустари въ собственномъ смыслѣ слова при условіяхъ данной земледѣльской мѣстности стараются сохранить связь, вѣрнѣе—иллюзію связи съ землей. Кустарное ткачество существуетъ, въ сущности, только въ районѣ м. Смѣлаго, но и тутъ «всѣ ткачи стремятся къ землѣ и занимаются ежегодно полевыми работами—если не на своей, то хотя на чужой землѣ. Цѣль при этомъ—заработать хотя немного хлѣба, чтобы не покупать его зимою или весною, когда онъ дорогъ. Въ этой погонѣ за своимъ хлѣбомъ ткачамъ, да и инымъ мастерамъ случается часто затратить столько рабочаго времени и труда, что въ переводѣ на деньги это время и трудъ стоили бы гораздо больше, чѣмъ стоитъ полученный хлѣбъ» (стр. 73). «Ткачи хватаются за землю—она постепенно ускользаетъ изъ ихъ рукъ» (стр. 74). Вотъ тотъ процессъ, который превращаетъ земледѣльца въ кустаря-ткача: развитіе промысла является не дополненіемъ къ земледѣлію, не *соединеніемъ* двухъ занятій, взаимно подкрѣпляющихъ другъ друга, это процессъ *разложенія*, образованія сельскаго пролетаріата на почвѣ тяжелыхъ аграрныхъ условій благодатной нѣкогда Малороссіи.

Заключительной стадіей этого процесса является кустарное ткачество въ районѣ м. Смѣлаго. Это массовое изготовленіе «рядовины»—грубой пеньковой ткани гл. обр. для мѣшковъ и для укупорки. Этотъ видъ промысла носитъ всѣ типичныя черты кустарнаго производства: массовое изготовленіе продукта на рынокъ, по большей части отдаленный; контингентъ промышленниковъ, наиболѣе оторванныхъ отъ земледѣльческаго хозяйства; организацію сбыта скупщиками и тяжелую зависимость кустарей отъ нихъ.

Промыселъ имѣетъ постоянный характеръ, но, благодаря его простотѣ «къ производству рядовины переходятъ временами и непрофессиональные ткачи, соблазняясь въ минуту безработицы возможностью имѣть

работу по таксѣ» (стр. 90). «Такса» эта устанавливается конечно скупщиками. «Организованное въ широкихъ размѣрахъ скупщицество и сбытъ рядовины большими партіями на югъ, въ экономіи и приморскіе порты, даетъ небольшой, но постоянный и вѣрный заработокъ ткачамъ». «Ихъ промыселъ имѣетъ далеко не мѣстное значеніе» (стр. 90). Главнѣйшіе, наиболѣе распространенные сорта продукта идутъ на побережья Чернаго моря для мѣшковъ, обшиванія корзинъ съ виноградомъ, упаковки табаку и шерсти, а также въ города для обтяжки пружинъ на мягкой мебели. Понятно, что сбытъ на эти далекіе крупные рынки возможенъ только при организаціи его на крупныхъ началахъ не отдѣльными рабочими, которымъ это совершенно недоступно, а болѣе предприимчивыми элементами деревни, изъ которыхъ и вырабатываются хищные типы скупщиковъ.

Для поясненія того, что значитъ «экономическая зависимость отъ скупщиковъ» достаточно будетъ привести нѣсколько бѣглыхъ примѣрныхъ цифръ. Бюджетъ ткача Н. Ф. Расходы въ годъ:

пища.....	20—25 руб.
топливо.....	15 „
одежда	10—15 „
землед. инвентарь.....	10 „
подати и повинности.....	8 „
лавочные товары.....	5 „
аренда 3 дес. по 9 руб.....	27 „
Итого.....	95—105 р. (стр. 116).

А на долю скупщика отъ такой семьи по примѣрному разсчету автора (по 1 к. съ аршина ткани) приходится 30 руб.! И къ этой суммѣ зачастую приходится причислять еще % ростовщическаго кредита скупщиковъ (отъ 25 до 35%). Въ другомъ примѣрѣ мы имѣемъ такое соотношеніе: подати и повинности 7 руб., аренда 24 руб., доля скупщика около 25 руб. Отсюда понятна первенствующая роль эксплуатаціи торговаго капитала, хотя надо оговориться, что въ рубрикѣ «подати и повинности» не включены, очевидно, налоги косвенные, которые сильно увеличили бы данныя, сравнительно невысокія цифры.

Правда, «болѣе состоятельные ткачи, имѣющіе возможность продать рядовину помимо своихъ скупщиковъ, на сосѣднихъ ярмаркахъ или въ Гадячѣ на базарѣ, могутъ получить еще добавочный доходъ, иногда доходящій до копѣйки на каждомъ аршинѣ» (стр. 108); но «число работающих на скупщиковъ все растетъ, т. к. не зная рынковъ сбыта, сами ткачи много продавать не могутъ: лишь болѣе состоятельные изъ нихъ пытаются сбывать свои издѣлія самостоятельно, только не на своихъ ярмаркахъ и базарахъ, т. к. здѣсь все тѣ же скупщики, съ которыми имъ приходится постоянно имѣть дѣло» (стр. 101). Но и это возможно лишь для тѣхъ, кто скупаютъ товаръ у другихъ въ придачу къ своему: «не многіе

могутъ собрать достаточную партію издѣлій, чтобы стоило пускаться въ развѣзды» (стр. 101). Въ другихъ промыслахъ это чаще является возможнымъ, но такое массовое производство, далеко превышающее потребность мѣстныхъ и окрестныхъ рынковъ и ярмарокъ, возможно при настоящихъ условіяхъ только подъ руководствомъ скупщиковъ. Въ виду этого заработокъ ткачей-кустарей очень низокъ, но — характерная особенность — трудъ ихъ не очень напряженъ; другая — не менѣе типичная черта — закупка сырья не находится въ рукахъ скупщиковъ. «Ткачи вообще не имѣютъ возможности, а болѣе зажиточные изъ нихъ и надобности напрягать въ теченіе недѣли всю свою рабочую силу; снѣшить имъ некуда, такъ какъ у нихъ или матеріалу не хватаетъ для домашняго производства тканей, или сбытъ не всегда обезпеченъ и выгоденъ» (стр. 105). «Закупаются матеріалы ткачами обыкновенно въ одиночку и самыми небольшими партіями» (стр. 97). «Снабженіе ткачей сырьемъ отъ скупщиковъ имѣетъ очень мало примѣровъ. Гораздо чаще скупщикъ кредитуетъ ткача деньгами, при чемъ обыкновенно болѣе 2—3 рублей не даетъ» (стр. 99).

Все это характерныя черты, указывающія на довольно элементарную ступень развитія того — даже болѣе развитого — кустарнаго промысла, который мы наблюдаемъ въ Роменскомъ уѣздѣ въ его болѣе промышленномъ пунктѣ м. Смѣломъ съ с. Протасовкой. По примѣрному учету (стр. 220) этихъ кустарей-рядовинщиковъ здѣсь около 150, средній ихъ дневной заработокъ — 18 коп., годовой (сезонный) 36 руб. Всего вырабатывается ими 450 тыс. аршинъ, на 36 тыс. руб., изъ которыхъ мастерамъ достается всего 5,4 тыс. руб. На сырье уходитъ 18 тыс. руб., да при перекупкѣ сырья отъ лавочниковъ еще 4,5 тыс. Барышъ скупщиковъ составляетъ 8,1 тыс. руб. Обычный размѣръ кредита 25—35%. Таковы, хотя бы примѣрныя, основныя цифры.

Мы видимъ, что и по количеству мастеровъ-кустарей и по размѣрамъ ихъ производства промыселъ имѣетъ довольно скромное значеніе. Сырье употребляется исключительно мѣстное, скупаемое по мелочамъ у бабъ на окрестныхъ базарахъ. Это конечно слишкомъ узкая основа для массоваго производства, поэтому ткачи-кустари часто сидятъ безъ работы, работаютъ съ перерывами и широкаго развитія этотъ промыселъ не обѣщаетъ, тѣмъ болѣе что спросъ на «рядовину» палъ: «спросъ раньше выражался чуть не въ сотняхъ тысячъ руб., а теперь не превышаетъ и 20 тыс.» (стр. 110). Скупщики не являются хозяевами-организаторами производства, они скупаютъ имѣющійся продуктъ, сообразуясь съ рынкомъ, но не вкладываютъ въ это дѣло особыхъ капиталовъ и не связываютъ себя, какъ это было бы при закупкѣ ими сырья (особенно не мѣстнаго) и вообще при болѣе активной ихъ роли, какую они играютъ въ русскихъ нечерноземныхъ кустарныхъ рынкахъ. Тамъ — гораздо болѣе стройная система производства, во многихъ случаяхъ переходящая въ фабричное — именно въ области ткачества. Здѣсь — это побочный продуктъ земледѣльческой

мѣстности, земледѣльческаго перенаселенія и пролетаризаціи, «строгой приписки тѣхъ или иныхъ ткачей къ опредѣленному скупщику не существуетъ. Прежде всего самому скупщику неудобно вступать въ какія-либо обязательныя отношенія съ ткачами, обязываться принимать отъ нихъ все, что бы они ни сдѣлали. Бываютъ періоды, когда спросъ на рядовину уменьшается, тогда и скупщики дѣлаютъ видъ, что принимаютъ отъ ткачей рядовину лишь въ видѣ любезности, при чемъ оплачиваютъ трудъ такъ, что многіе предпочитаютъ временно бросить рядовину и перейти къ чему-либо другому» (стр. 102). Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ условій прочнаго «закабаленія» кустарей, но это лишь результатъ неустойчивости самаго промысла, неспособнаго поглотить значительное количество рукъ, создать крупный сбытъ, выйти изъ разряда побочныхъ полу-земледѣльческихъ промысловъ. Между тѣмъ это наиболѣе оторвавшееся отъ земледѣлія занятіе, наиболѣе сформировавшійся промыселъ «кустарнаго типа», почему мы такъ долго на немъ и остановились.

Наряду съ нимъ стоитъ кожевенно-сапожный промыселъ, развившійся въ двухъ центральныхъ пунктахъ—м. Смѣломъ и г. Ромнахъ съ предмѣстіями—въ массовое производство, обслуживающее большой районъ нѣсколькихъ уѣздовъ; конкуренція его препятствуетъ даже развитію сапожнаго промысла въ другихъ мѣстахъ уѣзда, какъ Глинскъ (стр. 382), Хмѣловъ (453), Чернеchia Слобода (472). Здѣсь образовалась своеобразная іерархія занятій. Скупщики кожъ съ значительными капиталами являются главными поставщиками сырья, но они не организуютъ самого производства. Главными организаторами являются зажиточные кожевники (чиньбари), выдѣлывающіе кожу и раздающіе ее въ кредитъ «отпарщикамъ» или скупающіе у нихъ продуктъ. «Отпарщики» (т. е. получающіе у скупщика плату отъ пары сапогъ) представляютъ главную массу бѣднѣйшихъ мало-или безземельныхъ мастеровъ. Переходнымъ типомъ являются не особенно многочисленные, самостоятельные мастера, работающіе отчасти на заказъ, главнымъ же образомъ развѣзжающіе по ярмаркамъ. «Они являются переходною ступенью къ скупщичеству и постоянно отрываются отъ трудящейся массы, окружая себя наймытами, учениками (подмастерьями), отпарщиками и т. п.» (стр. 263). Существуютъ, наконецъ, еще «бродячіе отпарщики», работающіе на заказъ по хуторамъ.

Въ сапожномъ промыслѣ скупщичество развилось не менѣе, чѣмъ въ описанномъ выше кустарномъ ткацествѣ. На это несомнѣнно вліяетъ характеръ матеріала: довольно дорогого, требующаго предварительной выдѣлки и продаваемаго главнымъ образомъ болѣе крупными партіями. Это вызвало даже зачатки извѣстнаго рода коопераціи въ средѣ болѣе зажиточныхъ сапожниковъ и кожевниковъ для закупки сырья (стр. 196).

И въ сапожномъ промыслѣ характерно проявляется та же черта, которую мы отмѣтили для ткацкаго,—черта, характеризующая недоразвитость организаціи *кустарнаго* промысла. Главная масса «отпарщиковъ»

не связана постоянной зависимостью отъ извѣстныхъ скупщиковъ. Послѣдніе не находятъ выгоднымъ связывать себя. Меньшинство отпарщиковъ—постоянные (собственно сезонные) сдѣльные рабочіе. «Они круглый годъ обеспечены работой, но хотя они и возбуждаютъ этимъ зависть у другой гораздо болѣе многочисленной группы отпарщиковъ, не менѣе 100 чел., которые хотѣли бы имѣть постоянную работу, но не находятъ хозяина» (стр. 189, м. Смѣлое). Бываетъ только мѣсяца три въ году горячихъ. «Съ Августа по Филипповку, говорятъ «постоянные отпарщики», можетъ быть нѣсколько преувеличивая, хорошо если часа 4 въ сутки придется заснуть (20 часовъ работы!); а то и весь день работаешь и часть ночи захватываешь» (стр. 190). Это типично вообще для сезонной работы, но здѣсь перерывы вызываются видимо еще и общей слабостью рынка. «Заработокъ отпарщика (30—50 р.), какъ мастера несамостоятельнаго, разумѣется, будетъ ниже (чѣмъ у работающаго по заказамъ), но за то онъ отличается болѣею устойчивостью, что привлекаетъ мысли многихъ мастеровъ къ отпарщинѣ.... Между засульскими сапожниками такихъ, которые давали бы отпарщину, очень немного—да и тѣ раздаютъ непостоянно и немного» (стр. 258). «Почти треть засульского сапога... поступаетъ къ Роменскимъ лавочникамъ—тѣмъ самымъ, что продаютъ и сапожный товаръ. Отпарщины лавочники почти не раздаютъ» (стр. 259). Они извлекаютъ барыши, оказывая кредитъ сапожникамъ и расплачиваясь съ ними товаромъ. Ходъ экономическаго развитія дѣлаетъ свое дѣло. «Засулье, раньше жившее, повидимому, преимущественно заказами и отпарщиной, начинаетъ втягиваться въ кругъ операций лавочниковъ Роменскаго района. Но все же обиліе всякихъ заработковъ въ подгородной мѣстности и возможность переходить иногда къ заказной работѣ не отдають еще пока засульскихъ сапожниковъ въ полную власть скупщиковъ, и размѣръ оплаты труда у лавочниковъ хотя и ниже, чѣмъ у заказчиковъ изъ села, но не упалъ еще до послѣдней степени» (стр. 260).

Всѣ эти факты указываютъ, что даже въ наиболѣе центральныхъ пунктахъ промысла онъ не развился еще до полного закабаленія скупщикамъ и постоянной организаціи его. Но это лишь результатъ недостаточнаго развитія—узости рынка. Хотя районъ его и распространяется на нѣсколько десятковъ верстъ, но этого слишкомъ недостаточно для того контингента свободныхъ рабочихъ рукъ, которые оказываются лишними для сельскаго хозяйства. Предметъ промысла—слишкомъ обыченъ, не представляетъ специфической особенности даннаго района, не вызывается въ немъ какими-либо особенно благопріятными мѣстными условіями въ родѣ дешеваго матеріала, удобныхъ путей сообщенія и т. п.; слѣд., промыселъ не можетъ не наталкиваться на конкуренцію подобныхъ же другихъ районовъ и не имѣетъ опять таки данныхъ для широкаго развитія: оно лишь обострило бы конкуренцію, не создавая никакихъ выгодъ.

Оставимъ въ сторонѣ рядъ болѣе мелкихъ промысловъ большею частью мѣстнаго характера, упомянемъ вкратцѣ лишь о гончарахъ г. Глинска. Какъ вездѣ, промыселъ является не выгоднымъ подспорьемъ къ самостоятельному крестьянскому хозяйству,—это лишь убогое прибѣжище для элементовъ, падающихъ въ борьбѣ съ процессомъ экономического разложенія русскаго крестьянскаго землевладѣнія.

«Земельное обезпеченіе гончаровъ ничтожно..... главное для нихъ вовсе не въ землѣ, а въ гончарной глинѣ» (стр. 349—350). На одно хозяйство у нихъ приходится по вычисленіямъ различныхъ изслѣдователей всего въ среднемъ отъ 0,7—1 дес. до 1,7 дес. земли! «Правда въ нѣкоторыхъ цифрахъ какъ будто замѣчается нарастаніе: такъ увеличилась группа гончаровъ съ 6 дес. и болѣе, но мы уже видѣли, что здѣсь не гончарство поднялось до землепашества, а скорѣе землепашество спустилось до гончарства» (стр. 350).

И здѣсь промыселъ не опирается на широкій рынокъ, что позволило бы хоть утилизировать всю свободную рабочую силу. Наоборотъ, «и чисто гончарскія хозяйства, оказывается, имѣютъ свой избытокъ рабочей силы, который выпускаютъ на сторону» (стр. 350). Для этой «лишней» части населенія не находится другого исхода, какъ земледѣльческій отходъ.

Работаютъ гончары большую часть года (до 200 дней) съ напряженіемъ всѣхъ силъ въ наиболѣе горячій періодъ отъ Пасхи до Петрова дня. «Въ это время, тогда только не работаемъ, когда спимъ» (стр. 352).

«Рабочую силу дѣтей въ гончарствѣ начинаютъ эксплуатировать очень рано и гончарный промыселъ надо причислить къ самымъ мрачнымъ въ этомъ отношеніи промысламъ: сѣтевязальному въ Воронкахъ и плетенію кошиковъ изъ рогоза въ Поставмукахъ, Городищѣ и др. селеніяхъ Лохвицкаго уѣзда» (стр. 352). По разсчету С. Лисенка, для средняго хозяина одиночки, какихъ большинство, чистая выручка составляетъ въ годъ (приблизительно за 6 мѣсяцевъ труда) около 42 руб., т. е. около 30 коп. въ день (стр. 368).

Опять таки и гончарный промыселъ не захваченъ всецѣло скупщиками и это находится, какъ и въ рассмотрѣнныхъ ранѣе промыслахъ, въ связи съ недостаточной широтой рынка. Часть гончаровъ развозитъ самостоятельно издѣлія по ярмаркамъ—это болѣе состоятельные. Большая часть сбываетъ посуду скупщикамъ. Развивается ли это явленіе или нѣтъ—авторъ ли рѣшается сдѣлать окончательный выводъ: «нѣтъ точныхъ данныхъ, чтобы судить, куда тянетъ жизнь: къ порабощенію гончаровъ скупщиками въ сбытѣ издѣлій или къ освобожденію гончаровъ отъ услугъ скупщиковъ; но относительно настоящаго момента уже можно установить, что большинство гончаровъ самостоятельнаго сбыта не имѣютъ и зависятъ отъ скупщиковъ» (стр. 364). По показаніямъ же самихъ гончаровъ возможность обойтись безъ черниговскихъ «прасоловъ» или мѣстныхъ «мужиковъ» (скупщиковъ) сокращается..... Въ конечномъ результатѣ большая

половина изготовляемыхъ въ Глинскѣ издѣлій не только продается, но частью и запродаются скупщикамъ» (стр. 362—363). Но о полномъ поработѣ кустарей торговымъ капиталомъ при примитивности техники, даровомъ матеріалѣ и сравнительно близкихъ мѣстахъ сбыта, повидимому, не можетъ быть рѣчи въ настоящее время.

Мы не исчерпываемъ и малой доли богатаго запаса фактовъ, собранныхъ въ изслѣдованіи С. И. Лисенко, ограничиваясь лишь самыми основными чертами главнѣйшихъ видовъ промысловъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ и техническую, и санитарно-гигіеническую обстановку ихъ, и коммерческо-экономическіе расчеты деталей производства. Обо всемъ этомъ имѣются данныя у автора книги. Мы старались лишь выяснитъ общія черты социально-экономической организаціи сельскихъ промысловъ Роменскаго уѣзда, какъ наиболѣе промышленнаго изъ уѣздовъ всей губерніи. Можно предполагать, что характерныя черты описанныхъ промысловъ типичны для гораздо болѣе широкаго района черноземной полосы Россіи. А какъ разъ о сельскихъ промыслахъ земледѣльческой полосы мы имѣемъ гораздо менѣ данныхъ, чѣмъ о кустарныхъ промыслахъ нечерноземныхъ губерній. Конечно, описаніе одного уѣзда является чрезчуръ узкимъ базисомъ для широкихъ выводовъ и въ этомъ отношеніи мы жалѣемъ, что не могли принять въ расчетъ хотя бы описанія промысловъ Лохвицкаго уѣзда, обследованнаго тѣмъ же авторомъ. Сколько намъ извѣстно, это изслѣдованіе С. И. Лисенка въ настоящее время печатается на средства Полтавскаго губернскаго земства.

Приведенныхъ выше фактовъ достаточно, чтобы уловить главные отличительныя черты сельской промышленности въ уголкѣ Полтавщины сравнительно съ гораздо съ болѣе развившимися и оформившимися кустарными промыслами нечерноземныхъ губерній.

Выросшіе въ атмосферѣ чисто земледѣльческой мѣстности, не испытавши на себѣ вліянія развитой промышленности и городской жизни, при значительно сохранившемся натуральномъ хозяйствѣ и слабости рынковъ сбыта безъ какихъ либо естественныхъ произведеній природы, кромѣ примитивныхъ сельскохозяйственныхъ матеріаловъ, при слабо развитыхъ путяхъ сообщенія, при наличности плодородной почвы, до сихъ поръ прочно привязывающей къ себѣ большинство населенія, промыслы нашей земледѣльческой мѣстности не могутъ идти въ сравненіе съ промыслами нечерноземнаго района. Къ сожалѣнію, массовыя данныя подворныхъ земскихъ переписей, благодаря разницѣ пріемовъ регистраціи, плохо поддаются сопоставленію, давая совершенно несоотвѣтственные указанія. Если сопоставить, напр., число мужчинъ, занятыхъ «мѣстными промыслами», съ общимъ количествомъ мужчинъ 18—60 лѣтнаго возраста, то получатся такія отношенія ¹⁾:

¹⁾ Вычислено по извѣстному сборнику Благовѣщенскаго 1893 г.

Губерніи, въ которыхъ были произведены подворныя переписи	Число мужчинъ (въ тысячахъ)		Отношеніе между ними въ ‰
	18—60 лѣтняго возраста	Занятыхъ мѣст- ными промыслами	
Тверская (5 уѣзд.)	152,8	35,6	24
Нижегородская (3 »)	76,6	18,5	24
Пермская (1 »)	76,1	80,7	106
Тамбовская . . . (12 »)	504,3	7,7 (съ отхожими)	1,3
Воронежская . . (6 »)	235	88,1	37
Орловская (5 »)	153,5	18,9	12
Курская (15 »)	473,6	115,5	24
Бессарабская . . (1 »)	47,8	5,9	12
Черниговская . . (4 »)	96	38,4	40
Херсонская . . . (1 »)	34,7	3,6	10
Полтавская . . . (9 »)	284,6	70,0	24
Самарская (7 »)	463,3	103,2	22
Екатеринослав. (3 »)	80	39,2	49

Мы приводимъ эти данныя именно, чтобы показать ихъ непримѣн-
ность для опредѣленія степени развитія кустарныхъ промысловъ въ раз-
личныхъ мѣстностяхъ. Слишкомъ наглядны противорѣчія для сосѣднихъ
мѣстностей (напримѣръ Тамбовской и Воронежской губ.) и слишкомъ
сходны цифры для мѣстностей глубоко различныхъ. Весьма вѣроятно,
что рядъ домашнихъ занятій вродѣ ткачества для нуждъ семьи, именно
въ мѣстностяхъ черноземныхъ, съ менѣе разложившимися натуральными
отношеніями, попалъ въ рубрику «мѣстныхъ промысловъ», сглаживая
разницу между промышленной и земледѣльческой полосами Россіи.

Въ дѣйствительности тамъ мы видимъ большіе районы, занятые
производствомъ исключительно одного продукта, производствомъ массо-
вымъ, часто съ глубоко идущимъ раздѣленіемъ труда на далекій, иногда
всероссійскій рынокъ. Производство издавна организовано тамъ скупщи-
ками, доведшими кустарей до полной кабалы, до постоянныхъ отноше-
ній зависимости въ самой тяжелой формѣ. Тамъ работа во многихъ отрас-
ляхъ идетъ на привозномъ сырьѣ, доставка котораго монополизирована
скупщиками; въ такихъ отрасляхъ, какъ ткачество, кустарный промыселъ
во многихъ случаяхъ обратился въ домашнюю форму фабричной работы;

развивается наемный трудъ въ скрытой и часто явной формѣ; работа идетъ круглый годъ, дохода въ иныхъ промыслахъ до 18 часовъ въ сутки, тогда какъ заработокъ спускается до нищенскаго размѣра — 5 коп. въ день¹⁾. Связь съ земледѣліемъ утрачена въ гораздо болѣе рѣзкой и полной формѣ, а въ связи съ этимъ выработалась опредѣленная хотя бы примитивная техника, не допускающая перехода отъ одного занятія къ другому. Многіе промыслы получили начало въ городахъ и на фабрикахъ и были уже оттуда перенесены въ деревню. Во многихъ чувствуется конкуренція крупной промышленности, забивающая кустаря.

Вотъ бѣглая картина, рѣзко несходная съ тѣмъ, что мы видѣли въ нашемъ уголкѣ Малороссіи. Почвенныя и климатическія условія создали такую разницу, что невозможно на основаніи данныхъ одной мѣстности судить о вѣроятномъ ходѣ процесса въ другой. Несомнѣнно, что въ нечерноземныхъ губерніяхъ процессъ отдѣленія промышленности отъ земледѣлія зашелъ гораздо дальше, экономическіе и социальныя типы мѣстныхъ промысловъ оформились гораздо рѣзче. Быть можетъ промыслы Полтавской губерніи, представляютъ лишь первичную стадію развитія тѣхъ же высшихъ формъ и черезъ нѣсколько десятилѣтій *при прочихъ равныхъ условіяхъ* развились бы въ томъ же направленіи. Но исторія не повторяется: нѣсколько будущихъ десятилѣтій въ судьбахъ нашей родины могутъ быть связаны съ такими крупными экономическими, политическими и социальными переворотами, что какія бы то ни было предсказанія въ этомъ родѣ будутъ лишь продуктомъ фантазіи.

Обратимся къ вопросу о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для поддержанія и развитія сельскихъ промысловъ. Авторъ изслѣдованія въ этомъ отношеніи очень остороженъ. Онъ приводитъ мнѣнія и пожеланія самыхъ промышленниковъ, насколько они умѣли высказаться, свое же мнѣніе высказываетъ сдержанно, лишь представляя другимъ рѣшать этотъ вопросъ на основаніи собранныхъ имъ фактовъ. И на самомъ дѣлѣ задача предоставляеть большія, быть можетъ непреодолимая трудности.

Вопросъ объ общихъ мѣрахъ содѣйствія русской кустарной промышленности въ нашей литературѣ рѣшался различно въ зависимости отъ теоретическихъ воззрѣній авторовъ. Двумя полюсами здѣсь являются взгляды двухъ до сихъ поръ не примиренныхъ теченій русской общественной мысли. В. П. Воронцовъ (В. В.), наиболѣе послѣдовательный представитель одного изъ нихъ, въ послѣдней своей работѣ по этому вопросу²⁾ высказывается такъ:

¹⁾ Та и другая цифра относится къ рогожникамъ Нижегородской губ.

²⁾ В. В. Кустарные промыслы и организація ихъ въ Россіи. В. Е. 902. З. см. его же докладъ всероссійскому кустарному съѣзду. Труды съѣзда Спб. 1903.

По климатическимъ условіямъ русскій крестьянинъ имѣетъ въ году нѣсколько (4—6) мѣсяцевъ вынужденнаго бездѣйствія. Въ Зап. Европѣ этотъ срокъ гораздо короче; въ виду этого кустарные промыслы, которые могли бы занять эту свободную рабочую силу, имѣютъ особое значеніе для русскаго народнаго хозяйства. *Нѣтъ никакой внутренней необходимости, чтобы эти промыслы отрывались отъ земледѣлія.* Напротивъ, они могутъ и должны служить ему дополненіемъ, укрѣпляя хозяйственное положеніе земледѣльца. Самое широкое развитіе мѣръ содѣйствія имъ—одна изъ важнѣйшихъ задачъ русской экономической политики.

Въ противовѣсъ этому мнѣнію мы можемъ привести изъ книги С. Лисенка весьма рѣшительное сужденіе одного изъ полтавскихъ мѣстныхъ дѣятелей, воспользовавшагося для своей аргументаціи тезисомъ, выхваченнымъ у наиболѣе прямолинейныхъ представителей другого теченія русской мысли. Въ отвѣтъ на посланный ему опросный бланкъ о кустаряхъ одинъ изъ земскихъ гласныхъ рѣзко осудилъ всѣ стремленія губернскаго земства придти на помощь сельскимъ промысламъ населенія. «Кустарные промыслы, говоритъ онъ,..... по общей судьбѣ ихъ вездѣ должны рано или поздно исчезнуть» (стр. 24). Ergo—спеціальныхъ мѣръ для содѣйствія имъ принимать нѣтъ смысла.

Въ такой формѣ съ этимъ мнѣніемъ конечно нельзя согласиться, но вопросъ о мѣрахъ помощи кустарямъ вызываетъ много опасеній за ихъ осуществимость.

Главная трудность состоитъ въ томъ, что русскіе кустарные промыслы развиваются обыкновенно въ средѣ самыхъ обездоленныхъ элементовъ сельскаго населенія. Крайне низкій уровень потребностей и культурности, безправное положеніе и бѣдность—три общихъ явленія сельской жизни соединились здѣсь въ удвоенныхъ размѣрахъ. Мы видѣли и по нашимъ даннымъ, что главная масса промышленниковъ принадлежитъ къ мало- и вовсе безземельнымъ. Зажиточный элементъ представляетъ меньшинство. Мало того, роковымъ образомъ, условія нашей сельской жизни таковы, что болѣе зажиточный слой, выдѣляющійся надъ среднимъ уровнемъ, весьма легко обращается въ группу, эксплуатирующую бѣднѣйшихъ. Отсюда выходятъ скупщики, лавочники, арендаторы. Экономически несостоятельная масса представляетъ легко доступный и при томъ весьма выгодный объектъ эксплуатаціи. Всякая возможность накопленія свободныхъ средствъ у отдѣльныхъ зажиточныхъ лицъ превращаетъ этотъ запасъ обыкновенно въ торговый или ростовщическій капиталъ. С. И. Лисенко приводитъ между прочимъ характерный фактъ: одной женщинѣ «привалило счастье»—ея мужа «убило» на заводѣ. Ей было выдано 1¹/₂ тыс. вознагражденія, и она богатѣетъ, ставши ростовщицей.

Все это—неизбѣжное явленіе, возникающее на почвѣ экономической и культурной приниженности русскаго крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ *разслоенія* русской деревни. Можно спорить о томъ, въ какомъ направ-

лении идетъ развитие этого послѣдняго явленія, но оно само — фактъ, котораго уже никто не отрицаетъ. Давно прошли времена, когда сельское населеніе представляло хотя бы приблизительное экономическое равенство. Теперь русская деревня даетъ мрачную картину борьбы сильныхъ со слабыми, и единственное коренное лѣченіе недуга заключается въ широкомъ развитіи гражданскихъ правъ для всѣхъ слоевъ населенія. Только это условіе создало бы и облегчило возможность слабѣйшимъ спланиваться для противовѣса болѣе сильнымъ. Только при этомъ условіи возможно развитіе коопераціи, всевозможныхъ союзовъ самопомощи въ широкихъ массахъ населенія. Настоящее же положеніе дѣлъ облегчаетъ успѣхъ лишь болѣе энергичнымъ, но и болѣе хищнымъ элементамъ сельскаго населенія.

Вотъ общая точка зрѣнія на вопросъ.

Въ области экономическихъ мѣропріятій такое положеніе дѣлъ создаетъ своеобразную опасность: помощь, оказываемая какой-либо отдѣльной группѣ, часто создаетъ ей силою вещей извѣстное привилегированное положеніе, которое тотчасъ даетъ возможность развиться эксплуататорскимъ тенденціямъ. Мѣропріятія, которыя нѣтъ силъ или средствъ направить на всю массу населенія, легко приводятъ къ неожиданнымъ результатамъ. Это, конечно, не какая-нибудь фатальная необходимость, но серьезная опасность, съ которой всегда надо считаться.

Намеки на такого рода вліяніе есть и въ книгѣ Лисенка. Въ м. Хмѣловѣ въ 1881—1883 г.г. существовало, наприм., ремесленное училище съ двумя отдѣленіями — сапожнымъ и столярнымъ. Оно выпустило нѣсколько сапожниковъ, «которые теперь являются лучшими и наиболѣе предприимчивыми мастерами».... «отъ одного изъ сапожниковъ, при томъ бывшаго ученика закрывшагося училища, мы слышали такое мнѣніе: «если земство откроетъ новую мастерскую, то оно насъ совѣмъ зарѣжетъ: много новыхъ научатся и будутъ сбивать намъ цѣны» (стр. 422). Но дѣло, именно, въ томъ, что черезъ мастерскую нельзя провести все промысловое населеніе, а единицы или десятки, обучившіеся тамъ, будутъ въ концѣ-концовъ давить своихъ необученныхъ конкурентовъ. И въ данномъ случаѣ, въ мастерскихъ перебывало 12—15 учениковъ, и они, какъ сказано, являются «наиболѣе предприимчивыми» мастерами.

Къ сожалѣнію, деревенская предприимчивость, разъ она не развита въ массѣ, оказывается — подчеркиваемъ — *при современныхъ условіяхъ русской деревни* вещь обоюдоострой.

Надо отмѣтить еще другое явленіе, типичное для русской кустарной промышленности. Картина «возможной» гармоніи между земледѣліемъ и промыслами, соединеніе ихъ въ однихъ и тѣхъ же хозяйствахъ и укрѣпленіе, такимъ путемъ крестьянскаго благосостоянія является при тѣхъ же современныхъ условіяхъ вполнѣ утопичной. Она возможна была бы лишь при сознательномъ регулированіи всей экономической жизни общественными силами, а не при стихійномъ процессѣ борьбы за существованіе и

хаотическомъ состояніи экономическихъ и общественныхъ отношеній. Фактъ, подтвержденіе которому мы видѣли и у г. Лисенка: промыслы развиваются въ средѣ наименѣе обеспеченной, какъ результатъ «мучительнаго процесса—разложенія земледѣльческаго хозяйства» (см. выше). Лишь сравнительно немногочисленныхъ сельскихъ ремесленниковъ, работающихъ по заказамъ, можно считать естественнымъ побочнымъ продуктомъ деревенской жизни, независимымъ отъ социальныхъ условий. Но ихъ сравнительно съ кустарями—меньшинство и развитіе промысловъ кустарнаго типа, внѣ связи съ мѣстнымъ рынкомъ, давить и на нихъ. Быть можетъ, это было бы иначе при другихъ, менѣ тяжелыхъ условіяхъ. Но экономическія и социальные отношенія русской деревенской жизни слишкомъ противорѣчатъ возможности гармоническаго развитія земледѣлія и промысловъ.

Потребности народной массы слишкомъ слабо развиты. Этотъ фактъ, можетъ быть самый мрачный изъ фактовъ русской жизни, хотя и слишкомъ хорошо объяснимый, является ключемъ къ объясненію цѣлаго ряда явленій.

Въ данномъ случаѣ его слѣдствія таковы. Слои населенія, сколько нибудь обеспеченные сельскимъ хозяйствомъ и отчасти нѣкоторыми давно привычными побочными промыслами, не имѣютъ достаточныхъ мотивовъ для исканія новыхъ источниковъ дохода (отдѣльныя особо предприимчивыя единицы конечно должны быть игнорируемы). Примитивность деревенской жизни и цѣпкіе остатки натурального хозяйства не даютъ развиваться разнообразію промысловъ. Не говоря уже о крайне низкой техникѣ и качествѣ продукта, массы недостаточно обеспеченнаго населенія, у котораго земля уходитъ изъ рукъ, могутъ находить поддержку лишь въ болѣе или менѣе шаблонныхъ массовыхъ промыслахъ. Здѣсь слишкомъ легко создается перепроизводство, чрезмерная конкуренція, сбивающія заработокъ и въ результатѣ—условія, отрывающія отъ земли болѣе слабыхъ, проявляютъ свое дѣйствіе съ прежней силой. Всякій, даже новый видъ промысла при обиліи «лишнихъ» рабочихъ рукъ, легко переполняется, создавая превышеніе предложенія надъ спросомъ. Еслибы и было осуществимо развитіе промысловъ въ незанятое время въ средѣ всей крестьянской массы, это создало бы такое колоссальное перепроизводство, что даже населеніе страны съ гораздо болѣе развитыми потребностями и платежными средствами врядъ ли могло бы поглотить эту массу продукта.

Вотъ самыя элементарныя соображенія, заставляющія насъ отвергнуть ту идиллическую «возможность», которая является такой простой и естественной по мнѣнію В. П. Воронцова и др., широко распространенному въ русскомъ обществѣ.

Такимъ образомъ при современныхъ условіяхъ, создающихъ большую неустойчивость русскаго земледѣльческаго хозяйства, сельскіе промыслы

имѣють тенденцію развиваться въ слояхъ, хозяйство которыхъ слабо. Они постепенно обособляются въ группу, утрачивающую связь съ землей; центр тяжести у нихъ все болѣе склоняется на сторону промысловъ. Условія *массоваго* производства на болѣе или менѣе широкій рынокъ создаютъ группу посредниковъ-скупщиковъ. Это явленіе глубоко врастаетъ въ жизнь. Масса населенія, которую весьма удобно эксплуатировать, благодарная почва для него. Слабость рынка и обиліе «свободныхъ» рабочихъ силъ—условіе, способствующее наиболѣе тяжелымъ формамъ кабальной зависимости: создается такая непомерно низкая оцѣнка труда, которая доводитъ закабаленныхъ промышленниковъ во многихъ случаяхъ до условій, граничащихъ съ вырожденіемъ.

Если мѣры содѣйствія кустарямъ вообще могутъ достигать цѣли, то несомнѣнно центромъ тяжести ихъ должно быть устраненіе скупщичества. Но это самая трудная изъ задачъ.

Тѣ общія мѣры, которыя указываются и въ литературѣ, и въ разсматриваемой нами работѣ С. И. Лисенка, и осуществляются на практикѣ различными земствами, сводятся къ улучшенію техники производствъ, оказанію кредита кустарямъ, посредничеству по доставкѣ сырья и сбыту издѣлій и наконецъ развитію кооперации у промышленниковъ на всѣхъ ступеняхъ производства, т. е. по закупкѣ сырья, отчасти кредиту, самому производству, по сбыту, а также и потребленію.

Мы не будемъ вдаваться въ подробное обсужденіе этой практической стороны вопроса и кромѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній коснемся ея, лишь поскольку она затронута въ трудѣ С. И. Лисенка.

Изъ всѣхъ указанныхъ выше мѣръ содѣйствія сельскимъ промысламъ въ изслѣдованной мѣстности были попытки, повидимому, лишь улучшенія техники промысловъ (земскій кожевенный заводъ въ м. Смѣломъ, проектъ гончарной мастерской въ г. Глинскѣ). Къ моменту изслѣдованія г. Лисенко и въ уѣздныхъ земствахъ, и въ губернскомъ....мысль о необходимости помочь населенію въ пріисканіи новыхъ или расширеніи, и улучшеніи старыхъ подсобныхъ къ земледѣлію заработковъ....усвоена была главнымъ образомъ лишь въ одной, наиболѣе понятной, простой и осуществимой своей части—въ поднятіи технической стороны промысловъ (стр. 16).

Однако эта простая и естественная мѣра, взятая безъ связи съ другими, имѣетъ много слабыхъ сторонъ. Мастерскія стоятъ дорого, обслуживаютъ лишь сравнительно незначительную группу, принося т. обр. пользу далеко не всѣмъ; вліяніе ихъ слишкомъ слабо относительно *массы* населенія.

«По опыту мы уже знаемъ, говоритъ С. И. Лисенко, какъ непримѣтно и медленно просачивается сквозь стѣны учебнаго заведенія въ народную жизнь всякое специальное знаніе» (стр. 347). Мы уже отмѣтили выше легкую возможность создать этимъ путемъ—на средства, собираемыя со

всего населенія — привилегированное положеніе для отдѣльных личностей, явленіе, котораго, повидимому, трудно избѣжать. Есть еще одна сторона дѣла, которая во многихъ случаяхъ имѣетъ серьезное значеніе. Ее вполне опредѣленно отмѣчаетъ авторъ. «Существующую технику *въ смыслъ качества работы*, улучшать не приходится, т. к. современный уровень ея почти удовлетворяетъ рыночнымъ требованіямъ» (это относится къ ткачеству рядовины въ м. Смѣломъ). «Ткачи это прекрасно понимаютъ: они могли бы работать лучше, но это для нихъ невыгодно и ни для кого не нужно, т. к. оптовые южныя фирмы платятъ въ свою очередь такія цѣны, которыя не располагаютъ къ улучшеніямъ» (стр. 112).

Нельзя конечно распространять это на всѣ отрасли промысловъ, но авторъ сплошь и рядомъ отмѣчаетъ типичный фактъ: покупатель-крестьянинъ не въ состояніи гнаться за качествомъ, а только за дешевизной («абы дешевле»). Это характерное проявленіе бѣдности и низкаго уровня потребностей ставить совершенствованіе техники промысла въ очень узкіе предѣлы: оно цѣлесообразно лишь тамъ, гдѣ можетъ облегчить трудъ или повысить качество лишь *безъ повышенія цѣны продукта* и безъ увеличенія производительности. Облегченіе производства иногда можетъ привлечь новыя рабочія руки и вызвать перепроизводство, неизбежное и при увеличеніи производительности, а выгода пониженія цѣны, какъ общее правило, достается не производителямъ, а посредникамъ. Вотъ тѣ подводные камни, среди которыхъ приходится лавировать при стремленіи къ улучшенію одной технической стороны дѣла. Таковы ненормальныя экономическія условія русской деревни, создающія своеобразныя противорѣчія между цѣлями, которыя ставятся извѣстнымъ мѣропріятіямъ и результатами, которые достигаются.

Авторъ поэтому совершенно справедливо отдаетъ рѣшительное предпочтеніе «мѣрамъ экономическаго характера, способствующимъ освобожденію кустарей изъ-подъ зависимости отъ скупщиковъ и вообще крупныхъ предпринимателей» (стр. 14).

Первая изъ этихъ мѣръ — организація доставки сырья, повидимому, болѣе или менѣе достижима въ видѣ устройства земскихъ складовъ, агентуръ по доставкѣ матеріаловъ и пр. Трудность здѣсь состоитъ въ томъ, что иногда продукты при посредничествѣ земства оказываются можетъ быть лучше рыночныхъ, но дороже. Это отмѣчается авторомъ, напр., по отношенію къ земскому кожевенному заводу (стр. 182). Организовать закупку сырья земству часто бываетъ трудно, ибо конкурировать съ деревенскими скупщиками, которые не стѣняются ничѣмъ для закупокъ по ничтожной цѣнѣ и являются слишкомъ опытными специалистами, вообще не легко. Но въ нѣкоторыхъ промыслахъ условія закупки сырья до того примитивны, что ею пренебрегаютъ даже скупщики; такова закупка пряжи у деревенскихъ бабъ, которая «является операціей очень тонкой и щекотливой» (стр. 98). Покупаютъ по мелочамъ, за безцѣнокъ, ибо на этотъ первобыт-

ный продукт «рыночной цѣны нѣтъ» и на выгодную покупку пряжи у бабъ относится большая часть заработка смѣлянскихъ ткачей (стр. 103—104).

Что возможно сдѣлать при такихъ первобытныхъ отношеніяхъ?!

Организація *кредита* кустарямъ представляетъ существенную потребность. Это избавляло бы ихъ отъ ростовщичества, доводящаго процентъ до 30, 50 и выше годовыхъ; это позволило бы имъ выжидать цѣны на продуктъ, избавляя отъ необходимости сбывать его скупщику или лавочнику по вынужденной цѣнѣ. Но здѣсь являются опять труднопреодолимые препятствія. Оказаніе кредита массѣ кустарей требовало бы огромныхъ средствъ. Достаточно указать, что въ 1896 г. губ. земство просило въ Гос. Банкѣ на это дѣло 200 тыс. Банкъ потребовалъ мотивировать цифру. «На основаніи имѣвшихся къ 1 Юля того года записей примѣрные расчеты были составлены, при чемъ необходимыя суммы кредита составили конечно не 200 тыс., а цѣлые милліоны, т. ч. испрашиваемая сумма была болѣе, чѣмъ мотивирована» (стр. 17). Въ концѣ концовъ и просимыя 200 тыс. не были даны.

Но помимо финансовой стороны еще болѣе серьезная трудность заключается въ некредитоспособности массы промышленниковъ: говоря о кредитѣ ткачамъ для закупки пряжи, авторъ указываетъ, что «ткачамъ эти идеи очень нравятся, но многіе изъ нихъ сами же замѣчаютъ, что въ иныхъ случаяхъ у ткача, получившаго подобную ссуду, не будетъ ни пряжи, ни денегъ — и не по расточительности или склонности къ пьянству, а потому чаще всего, что у ткача такая масса неудовлетворенныхъ потребностей, при которыхъ онъ постарается употребить всякую болѣе или менѣе замѣтную денежную получку на удовлетвореніе наиболѣе настоятельной изъ этихъ потребностей» (стр. 98). «У кого земли нѣту, тому и кредиту нѣту», говорятъ смѣлянскіе овчинники (стр. 160) и т. д.

Общезвѣстный фактъ некредитоспособности массы населенія, тѣмъ болѣе почти оторваннаго отъ земли, вполне объяснимъ конечно общими условіями русской жизни. Изслѣдованіе крестьянскихъ бюджетовъ очень ясно вскрываетъ мизерность доходовъ и очень крупныя рубрики расходовъ, вызываемыхъ социальными условіями. Мы видѣли выше образчикъ такого бюджета. Если эти условія и не парализуютъ вполне возможности кредита кустарямъ, особенно болѣе зажиточнымъ, если и могутъ существовать такія учрежденія, какъ Пермскій кустарный банкъ, то во всякомъ случаѣ указанныя условія ставятъ и этому виду мѣропріятій слишкомъ узкія границы.

Посредничество по *сбыту* издѣлій представляетъ наконецъ самую важную, но и самую трудную изъ мѣръ содѣйствія промысламъ. Нѣкоторыя частичныя мѣры указываются авторомъ: таковы полученіе черезъ земство заказовъ отъ интендантства, земскія агентуры по сбыту продуктовъ при помощи прямыхъ сношеній съ торговыми фирмами. Но подобные коммерческія операціи земства всегда представляютъ лишь каплю въ

морѣ. Наиболѣе широко поставлены здѣсь, какъ извѣстно, мѣропріятія Московскаго земства — его кустарный музей, открытый въ 1885 г. Въ 1901 г. онъ продалъ товару на 214 т. руб. и отпустилъ кустарямъ сырыхъ матеріаловъ на 60 т. руб. Однако по даннымъ 1897 г. постоянными его поставщиками были всего 500 семействъ кустарей; отъ нихъ принято издѣлій на 130 тыс. руб. и докладъ управы 1897 г. констатируетъ, что «посредническая дѣятельность между всѣми кустарями (до 60 тыс. семей) и потребителями или торговцами является прямо невозможной: такая дѣятельность потребовала бы расширенія торговли земства до 15 мил. руб. въ годъ».

Рынокъ — вопросъ жизни и смерти для всякой промышленности. Въ знаніи его — вся сила скупщиковъ и торговцевъ. Частичныя мѣры, вродѣ вышеуказанныхъ, имѣютъ значеніе, поскольку онѣ замѣняютъ продуктъ крупной промышленности кустарнымъ и не отнимаютъ рынка у кустарей другихъ раіоновъ. Но организація сбыта въ широкихъ размѣрахъ — задача, непосильная для земства. Она предполагаетъ организацію производства, а это — задача, полное разрѣшеніе которой недоступно не только русскому земству, но и всему современному человѣчеству.

Образованіе всякаго рода *коопераций* между кустарями какъ и въ средѣ всего населенія является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ общей социализаціи экономической жизни.

У кустарей Роменскаго уѣзда онѣ совершенно отсутствуютъ. Авторъ упоминаетъ лишь о зачаткахъ товарищества по закупкѣ сырья у зажиточныхъ кожевниковъ с. Засулья. Наоборотъ, у бѣднѣйшей массы «конкурренція и нужда развили недовѣріе другъ къ другу и они скептически усмѣхаются, когда говоришь имъ о совмѣстной закупкѣ сырья, совмѣстномъ сбытѣ издѣлій и т. п.» (стр. 112). Но авторъ идетъ глубже: «мало вѣроятно, говоритъ онъ о сапожникахъ Засулья, что причиной отсутствія всякой взаимопомощи мастеровъ въ этомъ дѣлѣ является одно недовѣріе другъ къ другу. Причины болѣе глубоки; ихъ надо искать, повидимому, въ полной неорганизованности самостоятельнаго сбыта издѣлій». Широкій рынокъ сбыта вызываетъ явленія, непонятныя кустарямъ: «мастера лишь чувствуютъ давленіе, которое передается имъ черезъ посредниковъ-скупщиковъ, не давая себѣ яснаго отчета въ пріемахъ такого давленія. Вотъ эта безсознательность экономического существованія, какъ намъ кажется, и является главной причиной безнадежной инертности, недовѣрія другъ къ другу и другихъ признаковъ неорганизованности промысла» (стр. 256). Такъ говоритъ авторъ.

Экономическое прозябаніе, деморализующее вліяніе крайней нужды и безправнаго положенія, все это условія, въ высшей степени затрудняющія развитіе коопераций въ русскомъ крестьянствѣ. Успѣшно развиваться онѣ могли бы лишь въ средѣ зажиточнаго населенія, съ болѣе или менѣе устойчивымъ хозяйствомъ. Мы не говоримъ уже объ отсутствіи

всякой политической жизни: она является главной прочной почвой, на которой только и возможно широкое развитіе экономических союзовъ.

Мы бѣгло коснулись главнѣйшихъ общихъ мѣръ, въ которыхъ можетъ проявляться содѣйствіе кустарной промышленности. Главною цѣлью всѣхъ ихъ является освобожденіе отъ скупщиковъ. Но допустимъ, что цѣль достигнута. Вотъ примѣрный подсчетъ результатовъ, взятый у автора.

«Устраненіе скупщика и обращеніе получаемаго имъ посредническаго барыша въ пользу производителей ткачей, разумѣется, не произвело бы въ судьбахъ ткачей коренного переворота и не создало бы имъ благоденствія, но оно все же значительно повысило бы оплату ихъ труда.... при устраненіи скупщика ткачъ могъ бы.... повысить свой заработокъ на 30—50%» (стр. 109). По разсчету г. Лисенка средній заработокъ ткачей 36 руб. въ годъ. Онъ повысился бы до 48—56 руб. И только всего, даже при достиженіи главной цѣли!

Мы видимъ, что и въ этомъ случаѣ заработокъ кустаря (ткача) представляетъ мизерную величину. Но максимальная норма для рядового кустаря не многимъ превышаетъ эти цифры. Этотъ фактъ заставляетъ задуматься.

Если бы это еще были подсобные промыслы устоячиваго крестьянскаго хозяйства—съ такими цифрами можно было бы примириться. Но факты не подтверждаютъ этого: промыслы, какъ мы видѣли выше, въ массѣ—продуктъ разложенія земледѣлія. Допустимъ, что разсчеты чересчуръ понижены—все же и въ лучшемъ случаѣ при успѣхѣ всѣхъ специальныхъ мѣръ помощи кустарямъ, имъ могло бы быть обезпечено лишь полунинищенское существованіе. Мы не говоримъ уже о чрезмѣрномъ трудѣ кустарей, иногда даже дѣтскомъ, хотя это явленіе въ описываемой мѣстности проявляется скорѣе спорадически; не говоримъ и объ отвратительной гигиенической обстановкѣ большинства промысловъ, побороть которую нелегко, ибо она обща и чисто земледѣльческимъ хозяйствамъ и здѣсь проявляется лишь въ усиленной степени.

При такихъ условіяхъ вопросъ о специальной помощи промысламъ сводится на болѣе общій вопросъ о причинахъ ихъ возникновенія. А какъ мы видѣли причины эти, если мы ограничимся данной мѣстностью, сводятся къ *разложенію земледѣлія*. Оно постоянно создаетъ новые кадры свободныхъ рабочихъ рукъ, доводя до крайности конкуренціи въ промыслахъ, давая все народное хозяйство, еще болѣе понижая и безъ того безмѣрно низкій уровень потребностей. Такимъ образомъ специальныя мѣры (не смотря на всѣ отмѣченныя трудности нельзя конечно вполнѣ отрицать ихъ значенія) безсильны безъ рѣшенія коренного вопроса о разложеніи земледѣлія.

Какія условія вызываютъ его, несмотря на то, что населеніе въ Россіи гораздо рѣже, чѣмъ въ странахъ болѣе культурныхъ? Какія условія мѣшаютъ развитію высшихъ формъ сельскаго хозяйства даже въ рамкахъ тѣхъ же условій распредѣленія землевладѣнія. Отвѣтъ на эти вопросы слишкомъ назрѣлъ въ русскомъ общественномъ сознаніи, чтобы его повторять здѣсь.

Мы разсмотрѣли вопросъ, которому посвящена книга г. Лисенка. Основываясь почти исключительно на фактахъ, почерпнутыхъ изъ нея, мы старались показать какъ общую картину, рисуемую ею, такъ и тѣ выводы, которые можно сдѣлать относительно практическаго воздѣйствія на данную область социально-экономическихъ явленій. Что касается фактическаго положенія дѣла—книга представляетъ огромный запасъ данныхъ, свѣдѣній и наблюденій. Въ значительномъ загроможденіи ея фактическими данными, часто мелочными, можно видѣть даже ея недостатокъ. Но не надо забывать, что кромѣ общихъ характеристикъ она имѣетъ въ виду дать въ руки земства весь, какой возможно, справочный матеріалъ, которымъ оно могло бы руководиться при проведеніи своихъ мѣропріятій. Во всей работѣ виденъ живой интересъ къ дѣлу, стремленіе объективно освѣтить всѣ стороны вопроса, критически отнестись къ показаніямъ опрашиваемыхъ лицъ, подчеркнуть все, что въ нихъ является сомнительнымъ.

Мы говорили выше о слабыхъ сторонахъ организаціи изслѣдованія: его бѣглости, вытекавшей изъ недостатка времени; отсутствіи подворной переписи промысловыхъ хозяйствъ, недостатка массовыхъ статистическихъ данныхъ. Все это вытекало не изъ неумѣлости изслѣдователей, а изъ крайней недостаточности силъ, которыя къ тому же еще все уменьшались во время самой работы. Авторъ съ полной добросовѣстностью самъ отмѣчаетъ всѣ слабыя стороны какъ въ организаціи изслѣдованія, такъ и въ программѣ его, чтобы предохранить земство отъ возможнаго повторенія ошибокъ.

Что касается вопроса о мѣрахъ содѣйствія промысламъ, то авторъ, какъ мы указали и выше, старается приводить лишь данныя опроса, и очень сдержанъ въ собственныхъ выводахъ. Весьма возможно, что трудности задачи, хорошо знакомыя человѣку, близко стоящему къ практической жизни, удержали его отъ проектированія съ легкимъ сердцемъ какихъ-либо широкихъ, но мало осуществимыхъ мѣропріятій. Въ то же время живое сочувствіе къ печальному положенію наблюдаемыхъ имъ группъ населенія не позволяло ему примириться съ легко возникающей мыслью о безнадежности ихъ положенія. Гдѣ только возможно, авторъ указываетъ на частныя мѣры возможной помощи дѣлу.

Все изложение указывает, что авторъ вдумчивый и добросовѣстный наблюдатель, старающийся выяснить жизнь, какъ она есть, не закрывая глаза ни на темныя, ни на свѣтлыя ея стороны.

Въ виду всѣхъ этихъ достоинствъ мнѣ кажется, что работа С. И. Лисенка вполне заслуживаетъ половинной премии въ 500 рублей.

Л. Яснополье